Джеймс Баллард

Чистильщик звука

Чистильщик звука
Джеймс Грэм Баллард

Аннотация
Джеймс Баллард
Чистильщик звука

Аннотация

Некоторое время назад было сделано открытие, что звуки впитываются в стены зданий и окружающие предметы и потом влияют на настроение людей. Поэтому появилась особая профессия — чистильщики звука, которые очищают помещения от остаточных звуков.

Мангон — один из таких чистильщиков. Самый его любимый клиент — великая в прошлом певица мадам Джоконда.

Джеймс Баллард

Чистильщик звука

1

К полуночи голова у мадам Джоконды разболелась сильнее. Весь день ветхие стены и потолок павильона звукозаписи содрогались от нескончаемого грохота дорожного трафика. Зависшая в пятидесяти футах над крышей студии эстакада усиливала бешеную, маниакальную какофонию сталкивающихся гудков, визжащих покрышек, рвущих слух тормозов и воющих моторов. Она громыхала по пустым коридорам и лестничным пролетам до звуковой студии на третьем этаже, заливая высушенный воздух гудящей свинцовой тяжестью.

Звуки эти, изнуряющие, но, по крайней мере, безликие мадам Джоконда еще переносила. Однако в сумерках, когда эстакада затихала, их перекрывали загадочные хлопки ее фантомов, призрачные, непонятно откуда исходящие аплодисменты, незримым шорохом падающие на сцену из окружающей темноты. Начиналось с разрозненных хлопков с первых рядов, потом распространялось на весь зал, переходя в бурную

овацию, в которой она вдруг различала нотку сарказма, насмешливый выкрик, копьем боли пронзавший лоб; затем следовал шквал неодобрительного фырканья и свиста, заполнявший истерзанный воздух, загонявший ее на кушетку, где она и лежала беспомощно, задыхаясь, до полуночи, когда на сцену торопливо поднимался Мангон со своим соноваком.

Понимая ее состояние, Мангон в первую очередь очищал стены и потолок, убирая тяжелую, гнетущую подстилку транспортных шумов. Он осторожно водил длинным хоботом соновака по заднику сцены, старым щитам декораций, напоминавшим о ее прошлых ролях в Метрополитен-опере и ограждавшим теперь импровизированный дом мадам Джоконды. По огромной, просевшей византийской кровати («Отелло»), придвинутой к микрофонной стойке; громадным зеркалам с шелушащимся серебром («Орфей»), составленным в углу эстрады; печи («Трубадур»), водруженной на подиум программного директора; отделанным позолотой и набитым газетными и журнальными вырезками туалетному столику и гардеробу («Фигаро»). Мангон работал методично и аккуратно, длинными гребками вытягивая мертвую шелуху собравшихся за день звуков.

К тому времени, когда он закончил, воздух снова был чист и легок, обертоны усталости и раздражения рассеялись. И мадам Джоконда постепенно пришла в себя. Приподнявшись, она печально улыбнулась Мангону. Он ободряюще ухмыльнулся в ответ, поставил на печь чайник — приготовить русский чай, который по обыкновению подсластил фенобарбиталом[1], выключил соновак и жестом показал, что сейчас выйдет на минутку — очистить мусоросборник.

Внизу, в переулке за студией, Мангон подсоединил соновак к всасывающему коллектору звукоуборочного грузовичка. Вакуумный заборник высосал все за считаные секунды, но уборщик задержался еще на пару-тройку минут, поддерживая мадам Джоконду в убеждении, что призрачная публика реальна. Разумеется, в цилиндре никогда не было ничего, кроме обычного повседневного мусора — звуков хлопающей двери или упавшей где-то перегородки, свиста чайника, ворчания, а потом — жалобных стонов мадам Джоконды, когда приходили головные боли. Шумные, буйные аплодисменты, которые снесли бы крышу Мета, не говоря уже о малень-

[1] Примечания: 1

Фенобарбитал — устаревшее противоэпилептическое психотропное лекарственное средство из группы барбитуратов.

кой звукостудии, глумливые смешки и гиканья, существовали лишь в ее воображении, были призраками из прошлого некогда великой примадонны, забытой публикой, удалившейся в мир фантазий и каждый вечер вызывавшей блаженный сон — полный зал и восторженные овации в Метрополитене, — сон, под давлением чувства вины, обиды и негодования превращавшийся к полуночи в кошмар фиаско и несостоятельности.

Почему она так изводила себя, сказать трудно, но кошмар, по крайней мере, удерживал мадам Джоконду по эту сторону здравомыслия, и Мангон, почитавший и любивший приму, не имел ни малейшего желания лишать ее иллюзий. Каждый вечер, закончив дневные дела, он ехал на своем звукоуборочном грузовичке из Вестсайда к заброшенной радиостанции под эстакадой в безлюдном конце Ф-стрит, притворялся, что убирает жилище мадам Джоконды на сцене Студии-2, готовил чай, слушал ее воспоминания и планы мести, дожидался, пока она уснет, и тихонько, на цыпочках, выходил — с кривой, но довольной улыбкой на юном лице.

Мангон посещал мадам Джоконду почти год, но так пока и не решил, какую роль в отношении

нее играет. Странно, но хотя существование мира ее фантазий практически полностью зависело от него, никакого личного интереса или каких-либо чувств к самому Мангону она никогда не выказывала. Он считал, что такое безразличие есть всего лишь часть автократической натуры всемирно знаменитой исполнительницы, тем более ясно сознававшей свое место продолжательницы традиций: Мельба — Каллас — Джоконда. Служить ей было привилегией. Со временем, может быть, она и удостоит его тем или иным знаком благосклонности.

Без него ей пришлось бы худо. В последнее время головные боли усилились; аплодисменты, настаивала она, звучали неистовей, шиканье и свист — злобнее. Какой бы психический механизм ни генерировал эту вымышленную систему, Мангон понимал, что в конце концов она не сможет обходиться без него ни часа, что без его притворных зачисток ей не хватит сил противостоять учащающимся приливам кошмара и безумия. И может быть, когда иллюзия рассеется, он еще пожалеет о том, что помогал ей обманываться. Хотя, если все сложится удачно, не исключено, что она еще сумеет вернуться. Она поведала ему о своем плане, запутанной схеме с

шантажом и подкупом, а Мангон, в частном порядке, надеялся запустить свой и с той же целью — возродить ее былую популярность. К этому времени мадам Джоконда, к несчастью, дошла до такого состояния, что спасти ее от катастрофы мог только успех.

Когда он вернулся, она сидела на огромной золоченой подушке; стоявшая у ножки софы лампа бросала полукруг света на щиты декораций, отделявшие звуковую студию от зрительного зала. Все они относились к ее последней роли в «Медиуме» и воссоздавали интерьер комнаты мошенницы-спиритуалистки, единственный внятный элемент в теперешнем мире мадам Джоконды. Окруженная фрагментами десятков ролей, она сама, казалось, состояла из нескольких отдельных личностей. Обладательница внушительной фигуры, с красивыми, четко очерченными плечами и объемной грудной клеткой, она имела крупное приятное лицо и роскошные иссиня-черные волосы — точный прототип классической дивы. Возраст ее приближался, должно быть, к пятидесяти, однако мягкая, нежная кожа и мелкие черты более подошли бы ребенку. Выдавали ее глаза. Большие, настороженные, подчеркнутые тушью, они смотрели на окружа-

ющий мир недоверчиво и злобно и сужались даже при приближении Мангона. В не самом лучшем состоянии были и зубы, указывавшие на пристрастие к табаку и дешевому кокаину. В состоянии волнения полные лиловые губы кривились от гнева, обнажая потемневшие зубы и мелькающий ядовитый язык, — ее рот в такие минуты напоминал преддверие ада. В общем, это была впечатляющая женщина.

Мангон принес чай, и мадам Джоконда подвинулась, освобождая ему место у ее ног, среди разбросанных по софе бус, разрозненных дневниковых страничек, гороскопов и адресных книг. Он сел, украдкой взглянув на часы — работа начиналась в половине десятого следующего утра и недосып плохо сказывался на его остром слухе, — и приготовился уделить ей полчаса.

Внезапно хозяйка вздрогнула, отпрянула и взволнованно махнула рукой, указывая на погруженную в тень оркестровую сцену.

— Они все еще хлопают! Ради бога, убери их — они сводят меня с ума! — пронзительно воскликнула она и театрально скрипнула зубами. — Ооох… вон там, быстрее!..

Мангон вскочил, быстро прошел к сцене и, сосредоточив внимание на рядах кресел и фа-

нерных пюпитрах, прислушался. Все было чисто вплоть до самого порога, возле которого уже начали испускать едва улавливаемое эхо загнанные туда звуки. Он повернулся к угловым стенам и потолку. Напрягая слух, он услышал семь приглушенных касаний, глухих отзвуков собственных шагов по полу. Эхо стихло и пропало, сопровождаемое тихим, напоминающим радиопомехи шумом — последним всплеском гнева мадам Джоконды. Мангон уже почти различил отдельные слова, но тут их накрыло рефреном.

Мадам Джоконда все еще корчилась на диване, и Мангон, понимая, что успокоить ее будет непросто, спустился со сцены и прошел через зал к двери, где оставил свой соновак. Питающий провод остался в грузовике, но он был уверен, что мадам Джоконда ничего не заметит.

Пять минут Мангон усердно притворялся, что очищает оркестровую эстраду, потом отставил соновак и вернулся к дивану. Мадам Джоконда выглянула из-за подушки, внимательно прислушалась, медленно ворочая головой, и улыбнулась.

— Спасибо, Мангон, — проворковала она, задумчиво наблюдая за ним. — Ты снова спас меня от убийц. В последнее время они стали так хитры,

что могут укрыться даже от тебя.

Последняя ремарка вызвала у Мангона печальную улыбку. Получалось, раньше он должной внимательности не проявлял, на что и не преминула указать мадам Джоконда.

Тем не менее ее благодарность была, похоже, искренней.

— Мангон, дорогой, — задумчиво сказала она, подкрашивая свои изумительные, зеленые, как у кобры, глаза перед зеркальцем огромной пудреницы, — что бы я без тебя делала? Как мне отблагодарить тебя за заботу обо мне? — Вопросы эти, какие бы зловещие нюансы ни заключались в них — распознав таковые, Мангон был бы глубоко шокирован, — оставались чисто риторическими; впрочем, и все разговоры обитательницы звукостудии и приходящего уборщика носили односторонний характер. Дело в том, что последний был нем. Нем с трех лет, когда мать, раздраженная криком ребенка, ударила его в горло, навсегда повредив голосовые связки. За все время их доверительных полуночных бесед Мангон не проронил ни единого слова.

Естественно, что именно немота отчасти объясняла, почему мадам Джоконда испытывала к нему особое влечение. В некотором смысле

каждый из них потерял свой голос: он — по вине жестокой матери, она — из-за капризной и неверной публики. Это их и объединяло, давало общее ощущение несправедливости жизни, хотя Мангон, как и все чистые души, свою беду принимал без злобы. Оба были отверженными, изгоями общества. Мангон, отнятый у опустившихся родителей, прошел через несколько государственных учреждений, так и оставшись одиноким, ущербным ребенком. Единственным талантом мальчика был замечательно острый слух, благодаря чему его в четырнадцать лет направили в городскую звукоуборочную службу. Стоящие лишь ступенькой выше обычных мусорщиков уборщики звука представляли собой особую группу безграмотных париев, немых — городские власти полагались на их осторожность и осмотрительность — и социально ущербных, живших в лачугах на краю старого завода взрывчатых веществ в песчаных дюнах к северу от города, которые служили теперь свалкой звукового мусора.

Друзьями среди коллег Мангон так и не обзавелся, и мадам Джоконда стала первым в его жизни человеком, с которым он настолько сблизился. Помимо удовольствия, которое давала возмож-

ность помогать ей, немаловажное значение в его привязанности имел тот факт, что до падения она представляла собой самое болезненное из возможных напоминание о его безгласном состоянии и что теперь он смог наконец примириться с годами затаенной обиды.

Сделав это, Мангон искренне и безоговорочно посвятил себя служению мадам Джоконде.

Угрюмо затянувшись вставленной в длинный нефритовый мундштук черной сигаретой, она вкратце изложила планы своего возвращения. Планы эти созревали уже несколько месяцев и заключались, ни более ни менее, в том, чтобы убедить Гектора Леграна, директора «Видео-Сити», огромной корпорации, владеющей десятком теле- и радиоканалов, организовать серию телевизионных спектаклей. Выстроенные вокруг мадам Джоконды, с соответствующими костюмами и оркестром, они послужат международному возрождению классической оперы и, таким образом, осуществлению ее немеркнущей мечты.

— Ла Скал», Ковент-Гарден, Мет — что они теперь? — сердито вопрошала дива. — Кегельбаны! Невероятно, но подумай только, в этих бессмертных театрах, где я создала свою Тоску, свою Баттерфляй, свою Брунгильду, сейчас, — она

сердито сплюнула дымом, — пьют пиво и катают шары!

Мангон сочувственно покачал головой. Потом вытащил из нагрудного кармана карандаш и написал на пришитом к левому рукаву отрывном блокноте: *мистер Легран?*

Мадам Джоконда прочитала записку и обронила листок на пол.

— Гектор? Его настраивают адвокаты. Они взяли его в кольцо и, думаю, крадут все мои телеграммы. Разумеется, в зрелищном плане у Гектора полный провал. Представь, какой куш для него! Какая сенсация! Великая Джоконда появится на телевидении! Не какая-то тупая девица, а Джоконда собственной персоной.

Изнурив себя этой речью, мадам Джоконда обессиленно откинулась на подушку, посасывая мундштук.

Контракт? — написал Мангон.

Дива, насупившись, прочла записку и сердито ткнула в нее тлеющим концом сигареты.

— Я уже составила контракт. Никакие 300 000, на которые я была готова согласиться поначалу, меня не устроят. И даже 500 000 не устроят. За каждое шоу я потребую теперь ровно один миллион долларов. И не меньше! Гектор заплатит

за то, что игнорировал меня. В любом случае, подумай, каков будет рекламный эффект от самой цифры! Такая блажь может прийти в голову только звезде. Если не хватит наличности, пусть растрясет своих адвокатов. Или девальвирует доллар — я не против.

Вообразив такую перспективу, мадам Джоконда даже заухала от удовольствия. Мангон согласно кивнул и написал еще одно сообщение.

Будьте практичны.

Мадам Джоконда раздавила сигарету в пепельнице.

— Ты ведь думаешь, что я брежу? Контракты на миллионы долларов — мечты, безумные мечты бедной старушки? Я вовсе не намерена полагаться единственно на здравомыслие какого-то импресарио.

Она самодовольно ухмыльнулась.

Что-то еще?

Дива оглядела погруженную в тень сцену и опустила глаза.

— Видишь ли, мы с Гектором — старинные друзья. Ты, конечно, понимаешь, что я имею в виду? — Она подождала, пока Мангон, прибиравшийся в тысяче романтичных апартаментов, кивнет, и лишь затем продолжила: — Прекрасно

помню тот первый сезон в Байройте, когда мы с ним…

Несчастный Мангон потупил взор, а мадам Джоконда перешла к изложению своего последнего плана шантажа. Разумеется, они с Леграном были близкими друзьями, о чем откровенно свидетельствовали разбросанные по сцене газетные и журнальные вырезки. И если уж на то пошло, если бы не приходящие от него ежемесячно, пусть и на небольшую сумму, чеки, она бы давно впала в нищету. Идти против него и угрожать давним скандалом — Легран недавно ступил на стезю политики — было не только абсурдно, но и чрезвычайно опасно, поскольку тот отличался как беспощадностью, так и черствостью. Много лет назад он использовал мадам Джоконду как ступеньку для собственной карьеры, собрав весь рекламный урожай с их бурного романа, а потом внезапно дал ей пинка.

Мангон нахмурился. Найти выход из ее нынешнего отчаянного положения представлялось делом непростым. Свое падение мадам Джоконда переживала тем тяжелее, что пострадала не по собственной вине. После внедрения несколькими годами ранее ультразвуковой музыки человеческий голос полностью вышел из моды — как и

вообще любая слышимая музыка. Использующая гораздо более широкий диапазон октав, аккордов и хроматических гамм, чем воспринимаемая человеческим ухом, ультразвуковая музыка обеспечивала прямую нервную связь между звуковым потоком и слуховыми долями мозга, генерируя всеобъемлющее ощущение гармонии, ритма, модуляций и мелодии — без каких-либо посторонних шумов и вибраций, свойственных слышимой музыке. Переложение классического репертуара позволило аудитории наслаждаться всем самым лучшим, что создало человечество. Величественные глубины Бетховена, популярные мелодии Чайковского, сложные фуговые импровизации Баха, абстрактные образы Шенберга — все они были представлены на частотах, превышающих порог осознанной слышимости. Они не только стали неслышимыми — переложенные для обладающих гораздо более широким диапазоном ультразвуковых оркестров, оригинальные работы обретали новую текстуру, глубину, чувственность, нежность и лиричность — по выбору аранжировщика.

Первой жертвой перемен стал человеческий голос. Переложить его оказалось невозможно, поскольку звуки производились немеханическими

средствами, скопировать которые не мог — или не хотел — ни один инженер-нейрофонщик.

Первые ультразвуковые записи натолкнулись на определенное сопротивление и даже насмешки. Прерываемые получасовыми рекламными паузами, радиопрограммы, не содержащие ничего, кроме тишины, казались нелепыми. Но постепенно публика открыла золото безмолвия, которое примерно через час после переключения радио на ультразвуковой канал само собой создавало приятную атмосферу ритма и мелодии. Лишь когда ведущий вдруг объявлял, что слушателям только что была представлена ультразвуковая версия симфонии Моцарта «Юпитер» или Патетической Чайковского, они идентифицировали реальный источник.

Второе преимущество ультразвуковой музыки заключалось в том, что она не оставляла в твердых структурах резонансного осадка и необходимость в вызове уборщиков отпала. После большинства обычных концертов симфонической музыки стены и мебель еще несколько дней пульсировали разлагающимися остатками, настолько омертвлявшими воздух, что все помещение становилось буквально нежилым. Это привело к скорому и быстрому исчезновению

почти всех симфонических оркестров и оперных компаний. Концертные залы и оперные театры закрылись. В век шума люди снова начали открывать для себя успокоительный бальзам тишины.

Но окончательный триумф ультразвуковой музыки обеспечило второе открытие, короткоиграющая запись на 900 оборотах в минуту, сжимавшая сорокапятиминутную симфонию Бетховена до двадцати секунд воспроизведения, а трехчасовую оперу Вагнера — до двух с лишним минут. Компактные и дешевые, короткоиграющие пластинки не теряли абсолютно ничего в плане качества. Тридцатисекундная запись в новом формате доставляла слушателю такое же нейрофоническое удовольствие, как и обычная, но с более глубоким проникновением и более сильным общим воздействием.

Ультразвуковые короткоиграющие записи вымели с рынка все прочие. Долгоиграющие пластинки превратились в музейные экспонаты. Только отъявленный чудак мог предпочесть полную версию «Зигфрида» или «Севильского цирюльника», имея возможность в полной мере насладиться обеими операми и оценить их музыкальную ценность за пять минут.

Звездный час дивы закончился. Бесцеремонно

отправленная на полку, она несколько месяцев держалась на озвучивании радиорекламы. Потом и реклама перешла на ультразвук. В порыве мстительного отчаяния мадам Джоконда выкупила уволившую ее радиостанцию и устроила дом в павильоне звукозаписи. С течением лет павильон пришел в упадок и забвение, окна были разбиты, неоновая вывеска обрушилась, антенны заржавели. Окончательно в прошлое студию отправила огромная восьмиполосная эстакада.

И вот теперь мадам Джоконда предлагала план триумфального возвращения.

Мангон слушал ее напыщенные тирады с бесстрастной отстраненностью наблюдателя. Недобрая усмешка, клубы сизого дыма — ни дать ни взять потрепанная жизнью ведьма. После фенобарбитала ее клонило ко сну, и угрозы и ультиматумы звучали все невнятнее.

— …и не забудь про мемуары, Гектор. Полное, без утаек, разоблачение, никаких недомолвок. Я к тому… черт, придется вызвать призрака. «Отель де Пари» в Монте-Карло, куча картин. О да, я сохранила фотографии. — Она пошарила вокруг себя по дивану, но нашла только мятый купон на косметику и чек из супермаркета. — Подожди, Гектор, пока их увидят твои адвокаты и… — Она

осеклась, уставилась остекленевшими глазами на Мангона и завалилась на подушку.

Мангон подождал, пока женщина уснет, поднялся и внимательно на нее посмотрел. Отчаявшаяся и одинокая. Секунду-другую он наблюдал за ней благоговейно, потом прошел на цыпочках к реостату на контрольной панели за диваном, погасил лампу на полу и ступил со сцены.

Он закрыл за собой двери зала, пересек фойе и вышел, опечаленный, но в то же время ободренный, в прохладную полночь. Решение наконец пришло: если ему суждено спасти мадам Джоконду, действовать нужно быстро.

2

Сев за руль грузовичка в начале десятого на следующее утро, Мангон решил отложить первый визит в Епископальную часовню Нео-Корбузье, втиснутую между офисными блоками в центре финансового сектора, и вместо этого повернул на запад, через парк, к сияющему белым фасадом жилому комплексу, возвышающемуся над деревьями и озерами вдоль северной стороны.

Работа в часовне всегда требовала времени и полной сосредоточенности и потому отняла у него добрых три часа. Декан недавно привез из

церкви Святого Франциска Ассизского несколько редких фронтонов тринадцатого века, прекрасные звуковые матрицы накопившихся за семь веков грегорианских песнопений с наложенным благовестом «Аегелус». Установленные в алтаре, они источали атмосферу, резонансную с религиозным рвением, нежным, глубоко текстурированным гимном, беззвучно вызывающим безупречные образы молитвы и медитации.

Но поскольку каждый фронтон стоил пятьдесят тысяч долларов, работа с ними была чревата огромным риском для неловкого чистильщика. Всего лишь двумя годами ранее весь северный трансепт Реймского собора с сохранившейся целиком розеткой, купленный за рекордную сумму в один миллион долларов и установленный в новом соборе Святого Иосифа в Сан-Диего, лишился своего бесценного наследия, тональной мозаики из-за ошибки бригады безграмотных чистильщиков, неправильно прочитавших инструкцию и случайно стерших не ту стену.

Даже самый добросовестный чистильщик ограничен в умениях, и Мангон, со своей слуховой суперчувствительностью, получал множество заказов именно в силу способности работать выборочно. Убирая со стен Оратория посторон-

ние, диссонирующие шумы — покашливание, плач, звон монет, бормотания молящихся, — он оставлял после себя хоралы и литургические песнопения, обогащенные благочестивыми обертонами. Благодаря его талантам жизнь ассизских фронтонов продлевалась на двадцать лет; без него они в скором времени были бы загрязнены разнообразными шумами конгрегации. Вот почему Мангон не опасался, что декан станет жаловаться, если он не появится в часовне как обычно.

Следуя вдоль северной стороны парка, Мангон свернул во двор громадного сорокаэтажного блока, напоминающего сияющий белый утес с выступающими ребрами балконов. Большинство апартаментов, суперлюксовых дуплексов, занимали представители шоу-бизнеса. Поблизости никого не было, но как только Мангон, с сонованком в руке, вошел в вестибюль, мраморные стены и колонны негромко загудели эхом разговоров, что вели гости, покидавшие вечеринку четыре или пять часов назад. В лифте следы звучали яснее — уверенные мужские тона, пронзительные жалобы капризных жен, мягкие отнекивания сексуальных блондинок, акцентированные бесчисленными повторениями «дорогоооой». На эха

Мангон внимания не обращал — они были почти не слышны, как приглушенный гул насекомых. Поднимаясь в пентхаус, он усмехнулся про себя: знай мадам Джоконда цель его визита, задушила бы на месте.

Одним из постоянных клиентов Мангона был Рэй Альто, дуайен корпуса ультразвуковых композиторов и человек, более других ответственный за все несчастья мадам Джоконды. Обычно Мангон убирал в его апартаментах раз в неделю, в три часа дня. Сегодня, однако, уборщик хотел застать Альто на месте до того, как тот уедет в «Видео-Сити», где занимал должность директора программной музыки.

Мальчик-слуга открыл дверь и провел Мангона по черной стеклянной лестнице в гостиную. Из широких студийных окон открывался панорамный вид на парк и небоскребы центра города.

Сидевший на длинной софе-трансформере молодой человек в белых слаксах — Пол Меррил, аранжировщик Альто, — махнул ему рукой.

— Мангон, подожди. Я сегодня разогреваюсь. — Он повертел ультразвуковой трубой — запутанным клубком из клапанов и труб, от которого, стелясь по подушкам, уходили к катодной трубке и звуковому генератору в дальнем конце софы с

полдюжины проводов.

Мангон тихонько сел, и Меррил поднес к губам мундштук инструмента. Не спуская глаз с лучевой трубки, где можно было проверить форму ультразвуковых нот, он проиграл короткое живое аллегретто, потом прибавил темп и выдал серию блестящих арпеджио, убрав высокие ноты P и Q, вертевшиеся на катодном экране, словно безумные угри. За ними последовали несколько фантастических глиссандо, охвативших до 20 октав и разделенных на интервалы так, что каждая нота находила в этом ритме свое точное и неповторимое звучание, покидая собственную звуковую сущность и вливаясь через электронные усилители в многоканальный, неповторимый мелодический поток, захлестнувший катодный экран изысканными мерцающими струями.

Ничего этого Мангон, разумеется, не услышал, но воздух вокруг него ожил, завибрировал, заискрил, зарядившись веселостью, так что, когда Меррил выпустил последний лихой аккорд, он не поскупился на аплодисменты.

— «Полет шмеля», — сообщил музыкант и, отшвырнув трубу, выключил катодную трубку, после чего откинулся на подушки и еще несколько секунд наслаждался сияющим, обновленным

воздухом. — Ну, как дела?

В этот момент дверь одной из спален открылась, и на пороге появился Рэй Альто, высокий задумчивый мужчина лет сорока, с редеющими светлыми волосами, в солнцезащитных очках, за которыми прятались холодные глаза.

— Привет, Мангон. — Он провел ладонью по голове уборщика. — Ты рано сегодня. По полной программе? — Мангон кивнул. — Не унывай. — Альто взял диктофон с одного из столиков и направился с ним к креслу. — Шум, шум, шум — переносчик величайшей опасности для цивилизации. Он губит весь мир, и однако же все, что человечество может позволить себе, — это выделить на борьбу с ним несколько чистильщиков с соноваками, таких как Мангон. Трудно себе представить, что еще несколько лет назад люди даже не догадывались, что звук оставляет осадок.

— А разве что-то изменилось к лучшему? — спросил Меррил. — В этом месяце «Трансоникс» заявила, что уже в недалеком будущем уровень неубранных звуковых резонансов повысится настолько, что они буквально расшатают здания. Город рухнет, как древний Иерихон.

— Вавилонская башня, — поправил его Альто. — Ладно, а теперь помолчи. Мангон, скоро мы

все погибнем. Пол, дай ему что-нибудь выпить.

Меррил принес из бара банку кока-колы и удалился. Альто пощелкал диктофоном и заговорил, четко и ясно:

— Памятка 7. Бетти, когда истекает срок авторских прав Стравинского? Памятка 8. Бетти, запиши мелодию для предполагаемого ноктюрна: L, L диез, BB, Y бемоль, Q, VT, L, L диез. Памятка 9. Пол, три нижние октавы ультратубы в пределах слышимых частот звукового спектра собаки — спасибо за ультразвуковую запись «Цыганского хора» из «Травиаты»; прошлым вечером около трех миллионов собак подумали, что на них обрушилась крыша. Памятка 10. Бетти… — Он остановился и отложил диктофон: — Мангон, у тебя обеспокоенный вид.

Мангон, все это время пребывавший в задумчивости, встряхнулся, подтянулся и покачал головой.

— Заработался? — не отставал Альто, недоверчиво глядя на чистильщика. — Никак засиживаешься допоздна у этой женщины? Джоконды?

Мангон смущенно потупился. Его отношения с Альто складывались примерно так же, как с мадам Джокондой. Хотя аранжировщик и бывал грубоват, а порой и недоволен чем-то, он прояв-

лял к Мангону искренний интерес. Возможно, немота уборщика напоминала ему о мизантропических мотивах за его собственной нелюбовью к шуму, пробуждала чувство косвенной вины за злодеяние, совершенное матерью Мангона. К тому же Альто с уважением относился к его феноменальной слуховой чувствительности.

— Она вытянет из тебя все соки, поверь мне. — Зная, насколько важен для Мангона личный, человеческий контакт, Альто удержался от излишней резкости. — Ты ничего не сможешь для нее сделать и, предлагая сочувствие, лишь распаляешь ее надежды на возвращение. У нее нет ни единого шанса.

Мангон нахмурился и, взяв карандаш, быстро написал на страничке блокнота: *Она БУДЕТ снова петь!*

Альто задумчиво прочитал записку и, помолчав, ответил уже жестким голосом:

— Она использует тебя для достижения собственных целей. Сейчас ты исполняешь ее прихоть, облегчаешь ее невротические головные боли и помогаешь избавиться от несуществующих аплодисментов. Не хочу даже думать, что еще ей может понадобиться.

Она — великая актриса.

— Была, — поправил Альто. — Но теперь уже нет, как это ни печально. Боюсь, времена изменились.

Мангон раздраженно скрипнул зубами и оторвал еще один листок.

Может быть — для развлечений. Но не для ИСКУССТВА.

Альто принял упрек молча. Он не меньше Мангона корил себя за то, что продался «Видео-Сити». За четыре года пребывания там весь его вклад в ультразвуковую музыку составил лишь одну почти законченную симфонию с характерным названием «Опус Зеро», премьера которой ожидалась в скором времени, несколько ноктюрнов и один квартет. Едва ли не вся энергия тратилась на программирование музыки, престижных сочинений для эффектных представлений и переложение классического репертуара. Последнее он презирал особенно, считая такое занятие подходящим для Пола Меррила, но не для ответственного композитора.

Он добавил листок к тем двум, что уже держал в левой руке, и спросил:

— Ты когда-нибудь слышал, как поет мадам Джоконда?

Ответ Мангона выглядел насмешливо:

Нет! Но вы же слышали. Будьте любезны, опишите.

Альто коротко хохотнул, порвал листочки и подошел к окну.

— Хорошо, ты свое соображение высказал. Ты несешь факел искусства, исполняешь свой долг перед одним из немногих совершенных творений мира. Надеюсь, ты понимаешь и то, какую ответственность на себя принимаешь. Проблемы она создавать умеет. Знаешь ли ты, что в свое время такие театры, как Ковент-Гарден, Ла Скала и Мет закрыли перед ней свои двери? Они сказали, что да, у Каллас был темперамент, но в сравнении с Джокондой ее можно назвать едва не примерной девочкой. Расскажи мне, как она сейчас? Питается нормально?

Мангон поднял бутылку с колой.

— Кокаин? Да, тяжелый случай. Но как ей удается? — Альто бросил взгляд на часы. — Черт, мне нужно идти. Почисти здесь хорошенько, ладно? А то у меня уже от собственных мыслей голова раскалывается.

Он наклонился за диктофоном, но Мангон уже писал что-то торопливо на страничке.

Дайте мадам Джоконде работу.

Альто прочитал записку и, озадаченный, вер-

нул листок уборщику.

— Где? В этих апартаментах?

Мангон покачал головой.

— Ты имеешь в виду «Видео-Сити»? Чтобы она там пела?

Чистильщик выразительно закивал, и Альто со вздохом отчаяния поднял глаза к потолку.

— Бога ради! Последний вокалист пел в «Видео-Сити» более десяти лет назад. Никакая аудитория этого не вынесет. Даже если я только сделаю такое предложение, они порвут мой контракт на тысячу клочков. — Альто поежился — только наполовину картинно. — Не знаю, как у тебя, а у меня язва, так что надо и о себе думать.

Он направился к лестнице, но Мангон торопливо перехватил его и протянул новый листок.

Пожалуйста. Мадам Джоконда в отчаянии и готова перейти к шантажу.

Она должна снова петь. Можно организовать постановочную программу. Пустить по замкнутой системе.

Альто аккуратно сложил записку и, оставив диктофон на лестнице, медленно вернулся к окну.

— Шантаж? Ты уверен? И, кстати, кого она собирается шантажировать? — Мангон снова кивнул,

но взгляд отвел. — Хорошо, хорошо, выпытывать не стану. Возможно, Леграна, а? — Чистильщик обернулся с удивленным выражением и неубедительно пожал плечами.

— Гектор Легран. Тут и гадать особенно не приходится. Но никаких секретов там не осталось — все давно известно. Думаю, она просто грозится выставить себя на посмешище и тем самым помешать ему баллотироваться в губернаторы. — Альто поджал губы. К Леграну он питал отвращение — не только за то, что тот соблазнил его образом жизни, отказаться от которого было уже невозможно, но еще и потому, что, эксплуатируя слабость Альто, он без всяких церемоний напоминал ему об этом, не скрывая презрения ни к нему самому, ни к его музыке. Альто был бы только рад, если бы планы шантажа мадам Джоконды имели шанс на успех, но понимал, что Легран уничтожит ее, а заодно, возможно, и Мангона.

Как ни странно, ему вдруг захотелось встать на сторону мадам Джоконды. Он посмотрел на уборщика, который терпеливо ждал ответа, глядя на него большими, полными надежды глазами спаниеля.

— Идея с программой на замкнутой сети безум-

на. Даже если нам удастся все устроить, ей будет этого мало. Она хочет не столько петь, сколько быть звездой. Чего ей недостает, так это атрибутов звездности — восторженной галерки, охапок цветов, вечеринок в артистической уборной. Я мог бы организовать получасовую сессию на закрытой системе с надежными специалистами — несколько избранных вещей, скажем, из «Тоски» и «Мадам Баттерфляй», со звуковым фортепьянным сопровождением, и даже сыграл бы сам, но я не могу обеспечить ей место в светской хронике и театральные рецензии. И что будет, когда она узнает?

Она хочет петь.

Альто похлопал чистильщика по плечу.

— Ты — молодец. Хорошо, я подумаю. Одному Богу известно, как мы все это организуем. Придется сказать, что готовится сюрприз для какого-то большого шоу — это объяснит отсутствие объявления в программе и необходимость работы в закрытой студии. Надо будет особо подчеркнуть важность фактора внезапности и не допустить ее контакта с газетчиками… Ты куда?

Мангон шагнул к лестнице, взял диктофон и вместе с ним вернулся к Альто, счастливо улыбаясь и отчаянно пытаясь что-то сказать. Из его

горла вырывались придушенные, дрожащие звуки.

Растроганный, Альто отвернулся и сел.

— О'кей, Мангон, — грубовато бросил он. — А теперь займись своим делом. И помни, я ничего не обещал. — Он щелкнул кнопкой. — Памятка 11. Рэй…

3

В начале пятого пополудни Мангон остановил свой грузовичок в переулке за брошенной радиостанцией. Вверху, над головой, грохотала эстакада, и этот грохот скатывался вниз на каменные стены. Мангон постарался закончить пораньше, чтобы порадовать мадам Джоконду большими и хорошими новостями до того, как у нее начнутся головные боли. В Оратории он убрался за час, потом пробежался по двум кинотеатрам, Музею абстрактного искусства и, едва не лопаясь от переполнявшей его радости, отработал за половину обычного времени с полдюжины частных вызовов.

Мангон пробежал через вестибюль, доставая на ходу карандаш. Впервые за долгие годы он по-настоящему пожалел о своей немоте, о том, что не может устно рассказать мадам Джоконде

о своем утреннем триумфе, о выбитом из Альто обещании.

Студия-2 лежала в темноте; ряды кресел, валяющиеся на полу старые программки и коробки из-под мороженого тускло отражались в свете единственной лампочки, заслоненной высокими декорациями. Подошвы скользили на обвалившейся с потолка штукатурке, так что на сцену он забрался уже запыхавшись.

Мадам Джоконда исчезла!

Пустая сцена, оставленный неубранным диван, сваленные в кучу холодные кастрюли на плите. Распахнутый платяной шкаф, сброшенные с вешалок платья.

В первую секунду Мангон запаниковал, ошеломленный ее исчезновением, не понимая, почему мадам Джоконда ушла, и немедленно предположив, что она узнала о его сговоре с Альто.

Потом он подумал, что еще никогда не бывал в студии до полуночи и что мадам Джоконда могла всего лишь выйти в супермаркет.

Улыбнувшись на собственную глупость, Мангон облегченно вздохнул, сел на диван и приготовился ждать.

Четко и ясно, словно выбитые глубокими бук-

вами, слова соскочили со стен, едва не оглушив его своей силой.

— Да ты, должно быть, рехнулась, жалкая, старая ведьма! Посмеешь угрожать мне еще раз, и я тебя уничтожу! СЛУШАЙ, ты, жалкая… — Мангон беспомощно отвернулся, пытаясь укрыться от голоса. Слова, брошенные в пароксизме ярости не более часа назад, горели злобными акустическими шрамами на безупречно вычищенных стенах.

Первой мыслью было схватить соновак и выскрести стены до возвращения мадам Джоконды. Потом до него дошло, что она уже слышала оригинал эха — на заднем фоне проступали приглушенные ритмы и интонации ее голоса.

Идентифицировать голос не составило труда.

Мангон не раз слышал его изрыгающим такие же жестокие тирады, когда заменял одного из чистильщиков, убиравшего в главном зале заседаний «Видео-Сити».

Гектор Легран! Значит, все еще хуже, чем ему представлялось, и мадам Джоконда дошла в своем отчаянии до точки.

На полу лежал нижний выдвижной ящик туалетного столика. Тут же валялось его содержимое. К зеркалу прислонилась старая серебряная рам-

ка, потускневшая и покрывшаяся патиной, рядом с ней — клочок ваты и пузырек с чистящей жидкостью. В рамке — одна из фотографий Леграна двадцатилетней давности. Возможно, узнав о его приходе и уже пожалев об угрозе шантажом, она и отыскала этот давний портрет.

Но гость ее чувств не разделил.

Мангон прошел по сцене. Сердце его разрывалось от гнева, в ушах громыхали насмешливые издевки Леграна. Он взял портрет, сжал ладонями, а потом вдруг ударил с силой о край туалетного столика.

— Мангон!

Крик пригвоздил его к месту. Он выронил разбитую рамку и, оглянувшись, увидел неслышно вышедшую из-за декораций мадам Джоконду.

— Мангон, пожалуйста, ты меня пугаешь, — мягко произнесла она и бочком прошла мимо него к кровати, снимая на ходу огромную пурпурную шляпу. — И убери стекло — не хочу порезать ногу.

Говорила мадам Джоконда вяло и сонно, двигалась медленно и расслабленно, что, как решил поначалу Мангон, было следствием острого шока. Достав из сумочки шесть белых пузырьков, она осторожно выставила их на прикроватном сто-

лике. Это были ее любимые лакомства — значит, Легран подсластил пилюлю еще одним чеком. Он наклонился и стал собирать с пола осколки, одновременно пытаясь и сам собраться с мыслями. Крики Леграна звенели в воздухе, и Мангон, не выдержав, сорвался с места и побежал за соноваком.

Когда он вернулся, мадам Джоконда сидела на краешке кровати с бутылочкой бурбона, которую достала из сумочки вслед за кокаином. Мелодично мурлыча под нос, она мечтательно поглаживала перышко на шляпе.

— Мангон, — позвала она, когда он почти уже закончил. — Иди сюда.

Он отставил соновак и подошел к ней.

Мадам Джоконда посмотрела на него внезапно внимательно и твердо.

— Зачем ты разбил портрет Гектора? — Она подняла кусочек рамы. — Скажи мне.

Поколебавшись, он написал:

Извините. Я вас обожаю. Он говорил такие гадости.

Мадам Джоконда прочла записку и снова перевела задумчивый взгляд на чистильщика.

— Ты здесь прятался, когда Гектор пришел?

Мангон решительно покачал головой, потом

снова стал писать, но она остановила его.

— Все в порядке, дорогой. Я и не думала. — Она обвела взглядом сцену, прислушалась. — Ты, когда пришел, слышал, что говорил мистер Легран?

Мангон кивнул и заморгал, вспоминая оставшиеся на стенах гнусности. Он и сейчас еще ощущал присутствие Леграна и чувствовал его желание унизить и оскорбить мадам Джоконду.

Она сделала широкий жест.

— И ты до сих пор слышишь, что он сказал? Удивительно. У тебя редкий талант.

Мне жаль, что вам пришлось так страдать.

Мадам Джоконда улыбнулась.

— Каждый из нас несет свой крест. Что-то подсказывает мне, что ты можешь немало облегчить мою ношу. — Она похлопала по кровати: — Иди садись, ты, наверно, устал. — Он сел рядом, и она продолжила: — Мне вот что интересно. Ты действительно можешь разобрать фразы и целые предложения в тех звуках, которые убираешь? Можешь слышать целые разговоры через несколько часов?

Что-то в ее вопросе смутило Мангона. Он знал, что талант его уникален, и не был настолько наивен, чтобы не оценить потенциал своих воз-

можностей. Дар развился сам собой в юношеском возрасте, и до сих пор Мангон сопротивлялся соблазну злоупотреблять им. Он никому о нем не рассказывал, понимая, что как только сделает это, с работой чистильщика можно будет попрощаться.

Мадам Джоконда наблюдала за ним с выжидательной улыбкой на губах. Все ее мысли были только о мести. Мангон снова прислушался к стенам, сосредоточившись на звенящих в воздухе оскорблениях.

Не целые разговоры. Длинные фрагменты, до двадцати слогов. В зависимости от резонансов и матрицы. Только никому не говорите. Я помогу вам отомстить Леграну.

Мадам Джоконда сжала его руку и уже потянулась к бутылочке с бурбоном, когда Мангон вдруг вспомнил о цели визита и, вскочив с кровати, схватился за карандаш.

Оторвав первый листок, он сунул его в ее трепещущие руки, потом заполнил еще три, описывая встречу с музыкальным директором в «Видео-Сити», интерес Альто к мадам Джоконде и условное обещание организовать ее появление в качестве гостя. Имея в виду откровенную враждебность Леграна, Мангон особо подчеркнул необходи-

мость полной секретности.

С радостным замиранием он наблюдал за тем, как мадам Джоконда пробегает взглядом по нацарапанным детским почерком строчкам, ведя по ним длинным красным ногтем, а когда она закончила, выразительно закивал и вскинул руку в триумфальном жесте.

Изумленная, мадам Джоконда непонимающе уставилась на записки, потом наклонилась, привлекла чистильщика к себе и, взяв его большую, как у мифического фавна, голову унизанными перстнями пальцами, пригнула к коленям.

— Дорогой мой мальчик, как же ты нужен мне. Никогда меня не покидай.

Поглаживая его по волосам, она прошлась цепким взглядом по стенам.

Чудо случилось на следующий день, за несколько минут до одиннадцати.

После завтрака, вытянувшись на кровати с альбомами дивы и под звуки старого граммофона, унесенного Мангоном из какой-то студии, они решили поехать на свалку — чистильщики выезжали в город в девять, и звуковые свалки можно было бы обследовать без помех.

Проведя столько времени в мире мадам Джоконды, Маргон горел теперь желанием позна-

комить ее со своим. Вот только предложить ей кроме унылых, огражденных забором мусорных свалок ему было нечего.

Для Мангона весь мир сошелся теперь клином на мадам Джоконде. Она стала источником его уверенности и восторга, столь же могучим, как само солнце. Прошлая жизнь отпала, как хризалида прекрасной бабочки, серые годы проведенного в приюте детства растворились в волшебном калейдоскопе, вращавшемся вокруг него. Она говорила, нашептывала что-то любовно, и посеревшие от пыли декорации и реквизиты студии начинали сиять свежими красками и обретать новый смысл, как пейзаж мескалиновой фантазии, а воздух дрожал от тысячи звонких отзвуков ее голоса.

С Ф-стрит они выехали в десять, и вскоре тусклые склады и брошенные многоквартирные дома, в окружении которых так долго жила мадам Джоконда, остались позади. Сидя бок о бок в кабине грузовика, они не выглядели подходящей парой: неуклюжий Мангон в желтой куртке из искусственного материала и желтой фуражке — за рулем, и пышная, яркая мадам Джоконда в ярко-зеленой шляпе с широкими полями и вуалью, с внушительным молочно-розовым бюстом,

украшенным жемчугом, золотыми звездами и драгоценными полумесяцами, небольшой коллекцией из того изобилия подарков, что изливались дождем в дни ее расцвета.

Позавтракала мадам Джоконда хорошо — стаканчиком бурбона и содержимым одного из пузырьков. За городом она благосклонно посматривала на поля, растянувшиеся по обе стороны автострады, и беззаботно мурлыкала что-то на мотив из «Фигаро».

С удовольствием наблюдая за ней, Мангон радовался ее хорошему настроению. Решив посвятить ей все свободное время, он даже отказался от вызовов на день и был готов сделать то же самое на следующую неделю и даже месяц. С ней он наконец чувствовал себя в полной безопасности. Прикосновение ее руки, тепло ее плеча добавляли уверенности и сил. Он гордился тем, что может помочь этой женщине вернуть утраченную славу.

Машина свернула с автострады на узкую грунтовку, которая вела к свалке. Тут и там между дюн виднелись развалины корпусов старого завода по производству взрывчатых веществ, белые оцинкованные крыши лачуг, в которых ютились мусорщики. Заброшенные, необитаемые дюны

растянулись на несколько миль. Они миновали руины развалившихся у дороги ворот; когда-то завод был окружен забором, но теперь проникать за ограждение стало просто незачем. Место странных отзвуков и гнетущей, болезненной тишины, накрытое мрачными миазмами миллиона сжатых звуков, уединенное и таинственное, оно напоминало кладбище бесчисленных частных разговоров, споров, пререканий.

Первые звуковые свалки появились ярдов через двести-триста по правую сторону дороги. Они предназначались для авиационного шума, собранного с городских улиц и в муниципальных зданиях, и представляли собой заграждения из плотно спрессованных звукопоглощающих панелей, занимавших площадь в несколько акров. Эти панели были чуть больше обычных — двадцать футов в высоту и пятнадцать в ширину. Поддерживаемые прочными деревянными подпорками, они стояли один против другого, образуя произвольный лабиринт переулков, что-то наподобие площадки для хранения рекламных щитов. Над дюнами выступали только верхушки панелей, но акустический заряд ударил Мангона с силой молота, обрушившись ревом садящихся и оглушающим свистом разбегающихся по

дорожке реактивных лайнеров, беспрерывным, раскалывающим голову гулом, громадным зонтом висящим над комплексом.

Со всех сторон к ним уже летели разрозненные, сорвавшиеся с ограждений случайные звуки. Над всей зоной, подпитываемый свалками внизу, висел плотный звуковой слой, невидимый, но ощутимый и зловещий, будто огромная грозовая туча. Время от времени, особенно после периода летних отпусков, поле звукового давления раскалывалось и разряжалось, обрушивая на панели потоп кошмарного шума — не только собачий вой и кошачий визг, но и скрежет и грохот машин, экспресс-поездов, ярмарочных площадей и самолетов, какофоническую музыку бетонной цивилизации.

Звуки эти, хотя и более высокого регистра, различал только Мангон. Мадам Джоконда не слышала ничего, лишь ощущала давящую депрессию и нарастающее раздражение. Казалось, сам воздух скрежещет и скрипит. Заметив, что спутница начинает хмуриться, Мангон взял ее руку и прижал ладонью к ее же лбу. Потом поднял окно, знаком показал ей сделать то же самое и включил установленный под приборной доской соновак — очистить кабину от диссонансов.

Мадам Джоконда расслабилась во внезапно наступившей блаженной тишине. Через некоторое время, когда они проезжали мимо еще одного, установленного ближе к дороге, ограждения, она повернулась к Мангону и начала что-то говорить.

Вдруг она испуганно дернулась. Шляпа опасно накренилась. Голос пропал. Губы шевелились, но никаких звуков не было. Ее как будто парализовало. Сжав в отчаянии горло, она глубоко вдохнула и крикнула.

Услышав слабый писк, Мангон обеспокоенно повернулся и увидел, что мадам Джоконда бормочет что-то, указывая беспомощно на горло.

Секунду-другую чистильщик непонимающе таращился на нее, а потом, согнувшись над рулем, зашелся в беззвучном смехе, хлопая ладонью по колену и приборной доске. Успокоившись, он показал на соновак, наклонился и прибавил звук.

— …ууууууухх… — услышав свой стон, мадам Джоконда торопливо поправила шляпу. — Какой грязный трюк! Ты должен был предупредить!

Мангон усмехнулся. В кабину снова поползли нестройные звуки. Он опять повернул регулятор громкости и, взяв карандаш, написал:

Теперь ты знаешь, каково это!

Мадам Джоконда открыла было рот, чтобы ответить, но вовремя остановилась, икнула и нежно взяла его за руку.

4

Приближаясь к боковой дороге, Мангон сбросил газ. Впереди, слева, в двух сотнях ярдов, на дюне над одним из заборов стоял облезлый домишко. Они подъехали, свернули на круглую бетонную площадку внизу и сдали назад, к разгрузочной платформе с батареей выкрашенных красным гидрантов, оснащенных манометрическими коллекторами и трубами, убегающими к частоколу, целому лесу шумопоглощающих щитов. Образуя извилистые коридоры, они напоминали декорации из какого-то сюрреалистического фильма.

Спускаясь из кабины грузовика, мадам Джоконда ожидала столкнуться с такой же волной депрессии и перегрузки, как у свалки авиационных шумов, но воздух здесь был живой, ломкий, с всплесками напряжения и восторга. По пути к домику Мангон объяснил:

Звуки вечеринок — моя компания.

Двадцать или тридцать ближайших к домику щитов были предназначены для защиты от разнородных вибраций разговоров, наполняв-

ших остальные панели. Просыпаясь по утрам, Мангон слушал смех и треп, получая такое же удовольствие от сплетен и шпилек, как если бы сам принимал участие в вечеринках.

В доме была только одна комната с большим окном, выходившим на ограждение и надежно изолированным от шума снаружи. Бегло оглядев скромное жилье и не выказав при этом большого интереса, мадам Джоконда отделалась несколькими замечаниями общего свойства и подошла к окну. Приоткрыв его, она осторожно прислушалась к потоку окруживших ее атмосферных смещений и указала на домик у дальней стороны ограждения:

— А это чей?

Галлахера. Моего напарника. Он убирает в городском совете, университете, «Видео-Сити» и больших особняках на Пятой и А-стрит. Сейчас как раз работает.

Мадам Джоконда кивнула и с любопытством оглядела забор.

— Как интересно. Словно в зоопарке. Разговоры, разговоры, разговоры. И ты можешь слышать их все. — Быстрым и заученным движением запястья она защелкнула браслеты.

Мангон сел на кровать. Домик вдруг стал ма-

леньким и грязным, и то, что гостья не проявила к нему интереса, опечалило его. По пути на свалку он все время думал, как и чем будет развлекать гостью. К счастью, ее заинтриговал забор. И когда она предложила прогуляться, Мангон с радостью согласился.

Внизу, на разгрузочной платформе, он показал, как опорожнить автоцистерну: подсоединить выпускной шланг к гидранту, отрегулировать давление с помощью коллектора и скачать мусор в панели.

Большая часть забора пребывала в состоянии постоянного возбуждения, как толпа болельщиков на футбольном стадионе. Ведя гостью между щитами, Мангон предусмотрительно выбирал проходы поспокойнее. Со всех сторон их окружали непринужденные и капризные голоса, в воздухе бесцельно плавали фрагменты разговоров. Где-то жалобно умоляла о чем-то женщина, где-то ворчал себе под нос мужчина, рядом ругался другой и плакал взахлеб ребенок. И за этим ровный фоновый шум: бесконечное бормотание телепрограмм, скороговорки реклам, однообразные монологи спортивных комментаторов, взрывающиеся криками викторины — все на октаву выше естественного уровня и оттого

напоминающее какую-то зловещую пародию на самих себя.

В соседнем проходе грохнул выстрел, и за ним тут же последовали крики и вопли. Мадам Джоконда ничего не слышала, но пульс участился так, что ей пришлось остановиться.

— Подожди, не спеши так. Расскажи, что они говорят.

Мангон выбрал щит и внимательно прислушался. Звуки шли, похоже, из квартиры над прачечной самообслуживания. Бормотали невнятно стиральные машины, постукивал беспрерывно кассовый аппарат, гудел почти неслышно граммофон.

Он покачал головой и жестом предложил мадам Джоконде следовать дальше.

— Что они говорят? — не унималась она. Мангон снова остановился, навострил уши, подождал… На этот раз повезло больше. «…Он убьет тебя, если узнает, что ты здесь… убьет нас обоих… что нам делать», — возбужденно шептала какая-то женщина.

Мангон начал записывать. Мадам Джоконда, сгорая от любопытства, нависла над его плечом, но тут он узнал голос и скомкал листок.

— Ну же, ради бога, что это было? Не выбрасы-

вай! Расскажи мне! — Она попыталась подлезть под деревянный щит и достать бумажный комочек, но Мангон удержал ее и быстро написал другое сообщение.

Адам и Ева. Извини.

— Что? Фильм? Как забавно! Ну же, давай, попробуй еще!

Спеша загладить вину, Мангон перешел к следующему щиту, обслуживавшему семейное крыло университетского корпуса. Уборка там всегда отнимала много времени, но он сразу наткнулся на золотую жилу. «…Боже мой, везде Барток… эта чертовка Стейнер… Держу пари, она спит с ней…»

Записывая все на ходу, Мангон тут же передавал листки мадам Джоконде, и та, щурясь от напряжения, один за другим жадно поглощала их. Однако, передав с полдюжины, он потерял нить и остановился, чем сильно ее расстроил.

— Ну же, в чем дело? Продолжай. — Она разжала пальцы, и записки упали на землю. — Трудно, да? Надо научить тебя стенографии.

Они добрались до щитов, заполненных в самые последние дни. Внимательно прислушавшись, Мангон различил голос Пола Меррила: «…Трансоник требует… Город рухнет, как древний

Иерихон».

Он хотел задержать мадам Джоконду, убедить ее подождать минут пятнадцать с тем, чтобы представить отредактированные фрагменты недавнего обещания Альто, но она упорно стремилась все дальше и дальше.

— Ты сказал, что твой друг, Галлахер, убирает в «Видео-Сити». Где это может быть?

Гектор Легран. Конечно, подумал Мангон. И как только он не понял сразу. Теперь появился шанс посчитаться кое с кем.

Он указал на участок неподалеку.

Пробираясь между щитами, Мангон помогал спутнице переступать через балки и опоры и заботливо отводил подол широкой юбки и полы шляпы от ржавых железяк и торчащих отовсюду обломков.

Отыскать Леграна оказалось не так уж трудно. Еще на подходе к щитам Мангон услышал жесткий, категоричный голос магната, заглушавшего все прочие голоса, доносящиеся из участка «Видео-Сити». Вообще-то Галлахер убирал лишь дюжину кабинетов высшего начальства, главным образом для того, чтобы избавить их от неприятных отголосков назойливых речей Леграна.

Оставалось только найти главные апартаменты, где и могло происходить что-то по-настоящему важное и конфиденциальное.

Всего щитов было около двух десятков, и большинство оказались заполнены нескончаемым эхом угодливых «Да, Гектор», «Спасибо, Гектор», «Великолепно, Гектор». Два или три щита выделялись на общем фоне странной молчаливостью — к ним-то Мангон и увлек мадам Джоконду.

Здесь остались отзвуки разговоров Леграна с его личным секретарем. Чистильщик достал карандаш и прислушался.

«…Из Третьего национального банка. Трансферт на два миллиона в частный холдинг, и пригрозите амортизацией активов… составьте заново избавительные оговорки, включая отказ от обязательств по…»

Мадам Джоконда тронула его за плечо, но он только отмахнулся. Бóльшую часть щита занимали разговоры о каких-то сомнительных финансовых сделках, но ничего такого, что могло бы серьезно прищемить Леграна, похоже, не было.

А потом Мангон вдруг услышал…

«…«Бермуда Хилтон». Частный остров с якорной стоянкой, чистым пляжем, в прибрежных водах

полно рыбы… Мне наплевать — отправьте, поставьте сети… Имоджен полетит из Айдлуайлда под именем миссис Эдны Берджес… предупредите таможню, чтобы ее не трогали…»

«…Позвоните Картье, нужно что-нибудь для графини, карат, скажем, на семнадцать… потолок — десять тысяч. Нет, пусть будет восемь тысяч…»

«…Гардеробщица в «Тропикабане». Обычное досье…»

Мангон старался как мог, чтобы не отстать, но Легран диктовал быстро, и записать удавалось только отдельные фрагменты. Мадам Джоконда с трудом разбирала его каракули и, по мере того как разгорался аппетит, раздражалась все сильнее. В конце концов в порыве ярости она просто швырнула записи на землю.

— Ерунда! Ты все пропускаешь! — воскликнула дива и, в сердцах ударив кулаком по одному из щитов, обиженно всхлипнула. — Боже, боже, боже, какая нелепость! Господи, помоги мне, я схожу с ума…

Мангон тут же поспешил к ней, обнял за плечи, поддержал, но она оттолкнула его, продолжая изливать свою досаду и нетерпение.

— Бесполезно… все бесполезно… какая же я глупая… какая…

— ХВАТИТ!

Крик разрезал воздух, как нож гильотины.

Оба отпрянули, ошарашенно глядя друг на друга. Мангон осторожно прикоснулся пальцами к губам и протянул дрожащие руки. Где-то внутри его начал ослабевать и распускаться тугой, затянутый наглухо узел.

— Хватит, — произнес он грубоватым, но спокойным голосом. — Не плачь. Я помогу тебе.

Некоторое время мадам Джоконда смотрела на него изумленно, а потом испустила восторженный вопль.

— Ты можешь говорить! К тебе вернулся голос! Поразительно! Ну же, скажи что-нибудь, ради бога, да побыстрее!

Мангон еще раз ощупал рот, пробежал пальцами по горлу и задрожал от волнения. Лицо его просветлело. Словно мальчишка, он запрыгал от радости на месте.

— Я могу говорить! — повторил чистильщик, словно не веря себе.

Голос его звучал поначалу грубовато, но потом соскользнул на сопрано.

— Я могу говорить, могу говорить, могу говорить! — произнес он громче, учась контролировать вернувшийся дар, и, откинув голову,

крикнул во всю силу: — Я МОГУ ГОВОРИТЬ! СЛУШАЙТЕ МЕНЯ! — Он сорвал с рукава блокнот и бросил через щит.

Мадам Джоконда со смехом отступила.

— Мы слышим тебя, мой милый. Как замечательно. — Она задумчиво посмотрела на чистильщика, счастливо прыгающего в узком промежутке между щитами. — И будь осторожен, не переутомись, а то снова его потеряешь.

Пританцовывая, Мангон подошел к ней, схватил за плечи, крепко сжал и вдруг понял, что не знает ее имени.

— Мадам Джоконда, — заговорил чистильщик серьезно, спотыкаясь на словах, произнести которые было так просто и в то же время невероятно сложно. — Вы вернули мне голос. Все, что вам угодно… — Он не договорил, запнулся и счастливо рассмеялся сквозь слезы, а потом уткнулся лицом ей в плечо и воскликнул: — Какой чудесный голос!

— Да, Мангон, — по-матерински успокоила его мадам Джоконда, переводя взгляд на лежащие в пыли разрозненные листки. — Голос и впрямь чудесный. Но еще чудеснее твой талант слышать, — мягко добавила она.

Пол Меррил выключил плеер, сел на подлокот-

ник софы и недоуменно посмотрел на уборщика:

— Странно. Знаешь, я всегда думал, что все дело в психосоматике.

Мангон усмехнулся.

— Психосемантика, — повторил он, наполовину намеренно исказив трудное слово. — Ловко. Со словами можно такое вытворять. Они помогают кристаллизовать правду.

Меррил шутливо застонал.

— Господи. Ты сидишь тут, пьешь колу, философствуешь. И что, не понимаешь, что тебе положено стоять тихонько в углу и благодарно помалкивать? Так нет же, каламбуришь да еще и мне рот затыкаешь. Ну да ладно, расскажи еще раз, как это случилось.

— Жил да был… — Мангон уклонился от брошенного Меррилом журнала с громким воплем «Оле!».

Последние две недели были для него праздником.

Каждый день они с мадам Джокондой следовали одному и тому же порядку: после завтрака в студии отправлялись на свалку, где проводили два или три часа, собирая конфиденциальный материал на Леграна, перекусывали в домике и ехали в город. Потом Мангон отправлялся на ра-

боту, а мадам Джоконда спала до его возвращения около полуночи. Мангону такое существование представлялось идиллическим: он не только открывал себя в реальности сложного спектра и моделей речи — совершенно новой категории существования, но и находил в отношениях с мадам Джокондой неведомые дотоле грани сочувствия, симпатии и понимания. Чувствуя иногда, что он слишком поглощен своей стороной их отношений и выгодами, которые эти отношения дают ему, Мангон утешался тем, что и мадам Джоконде они идут на пользу. Головные боли и загадочные видения исчезли, она привела в порядок студию, обрела частичку прежнего достоинства и уверенности в себе, отчего ее амбициозность уже не так заметно бросалась в глаза. В психологическом плане она теперь нуждалась в нем меньше, чем он в ней, и ему достало благоразумия держать в узде свои восторги и уделять ей больше внимания. В первую неделю его беспрерывная болтовня бывала порой утомительной, и однажды, по дороге к свалке, мадам Джоконда просто-напросто включила соновак, и Мангон какое-то время лишь неслышно шевелил губами, как выброшенная на берег рыба. Он понял намек.

— Как с работой? — спросил Меррил. — Бро-

сишь?

Мангон пожал плечами.

— Работа — мой талант, но жить на свалке, входить через заднюю дверь, убирать словесный мусор — занятие недостойное. Я хочу помогать мадам Джоконде. Когда она отправится в турне, ей понадобится секретарь.

Меррил устало покачал головой.

— Ты так уверен в возрождении звуковой музыки. Но все указывает на то, что из этого ничего не получится.

— Они еще не слышали, как поет мадам Джоконда. Поверьте, я знаю силу и чудо человеческого голоса. Ультразвуковая музыка великолепно создает атмосферу, но она лишена содержания. Она не способна выражать идеи — только эмоции.

— Что с той программой, которую вы с Рэем намерены подготовить для нее?

— Ничего не получилось, — солгал Мангон. Программа, в которой выступит мадам Джоконда, будет открыта всему миру. Он ничего не сказал им о поездках на свалку, своей способности считывать информацию со щитов, сборе материала на Леграна. Скоро, уже скоро мадам Джоконда нанесет удар.

В коридоре над ними хлопнула дверь, кто-то

бурей ворвался в апартаменты, отшвырнул к стене стул. Это был Альто. Сбежав по лестнице, он стремительно вошел в комнату — подбородок решительно выдвинут, пальцы сердито согнуты — и, пронесшись мимо, бросил на ходу:

— Пол, не прерывай, пока я не закончу. Ты останешься без работы, но предупреждаю, что, если ты не поддержишь меня на все сто процентов, я тебя застрелю. Тебя, Мангон, это тоже касается — ты мне понадобишься. — Альто подлетел к окну, отсек уличный шум, вихрем обернулся и, утвердившись на ковре, пристально посмотрел на обоих. Мангон подумал, что впервые за три года знакомства видит его таким агрессивным и уверенным. — Заголовок. Джоконда снова поет! Каким бы невероятным и ужасным это вам ни показалось, но ровно через две недели живой и свободный голос Джоконды зазвучит от побережья до побережья на всех трех каналах «Видео-Сити». Удивлены? Это не секрет — афиши уже печатают. С половины девятого до половины десятого, в самое лучшее время.

Меррил подался вперед.

— Молодец. Если Легран хочет направить корабль на рифы, нам-то какое дело?

Альто стукнул кулаком по дивану.

— Такое, что на борту будем и мы с тобой! Ты что, не слышал? В полдевятого, ровно через две недели! У нас будет программа. И кто в качестве приглашенной звезды? Попробуешь угадать?

Меррил нахмурился, пытаясь понять, о чем идет речь.

— Минутку, Рэй. Подожди. Ты хочешь сказать, что она действительно появится… будет петь… в «Опусе Зеро»? — Альто с мрачным видом кивнул. Меррил вскинул руки и откинулся на подушки. — Безумие! Она не сможет! Кто говорит, что сможет?

— А ты как думаешь? Великий Легран. — Альто повернулся к Мангону: — Должно быть, раскопала что-то такое, чтобы припугнуть его. Даже не верится.

— Но почему в «Опусе Зеро»? — не унимался Меррил. — Давай перенесем премьеру на неделю позже.

— Пол, ты упускаешь из виду самое главное! Позволь просветить. Не далее как вчера мадам Джоконда нанесла Леграну частный визит. Каким-то образом ей удалось убедить его выделить для нее целый час в одной из музыкальных программ, где она исполнит кое-какие старые вещи из старых шоу при полном ультразвуком

сопровождении. Желая угодить, он даже спросил, какую именно программу она предпочитает. Поскольку последнее представление, в котором она появилась десять лет назад, было отменено в пользу «Тотальной симфонии» Рэя Альто, ты легко угадаешь, что она выбрала.

Меррил кивнул.

— Все сходится. Мы будем вести трансляцию из концертной студии. Одна ультразвуковая симфония. Без перерывов. Без даже комментариев! Твоя первая мировая премьера за три года. Огромная приглашенная аудитория. Белый галстук-бабочка, как в добрые старые дни. Сладкая месть. — Он печально покачал головой. — Черт, столько работы!

— Не беспокойся, — бросил Альто. — Все окупится. Зачем нам платить за Леграна? Эта симфония — первая серьезная музыка, которую я написал с тех пор, как пришел в «Видео-Сити», и я так просто ее не отдам. — Он подошел к Мангону и сел рядом с ним. — Сегодня во второй половине дня я ходил на репетицию. Они раскопали где-то старый рояль, и какой-то старикашка аккомпанировал ей. Последний раз мадам Джоконда пела десять лет назад. Возможно, она сохранила бы голос, если бы практиковалась по два-три часа

в день, но ты убирал в ее студии и знаешь, что она не взяла ни одной ноты. Она — старуха. Что не сделало время, то сделали кокаин и жалость к себе. — Альто остановился и вопросительно посмотрел на чистильщика. — Неприятно это говорить, но звучит так, словно кошку душат.

«Ты лжешь, — неприязненно подумал Мангон. — Ты просто невежественен. У тебя нет музыкального вкуса. Ты не способен распознать подлинного гения, даже когда он перед тобой. Я знаю, что такое молчание, — хотелось крикнуть ему. — Голос Джоконды — поток чистого золота, и она обретет его, как я обрел свой». Однако что-то в тоне Альто заставило его подождать.

— Понимаю, — сказал он. — Что вы хотите от меня?

Альто похлопал его по плечу.

— Молодчина. Поверь мне, в конечном итоге ты все же поможешь ей. Я предлагаю уберечь нас всех от неприятностей. Мы все должны выступить против Леграна, даже если это означает расставание с «Видео-Сити». Так, Пол? — Меррил не колеблясь кивнул, и Альто продолжил: — Оркестр пойдет, как намечено. Согласно программе, мадам Джоконда будет петь под аккомпанемент «Опуса Зеро», но это ничего не значит. Никакой

связи между ними не будет. Она даже не появится до самого выступления. Будет стоять внизу, на специальной платформе, и над ней, примерно в двадцати футах, микрофон. Микрофон будет подключен, но ее голос не дойдет до него. Потому что ты займешь место в суфлерской будке непосредственно перед ней с самым мощным сонованком, который мы только сумеем раздобыть. И как только она откроет рот, ты вступишь в игру. Она будет футах в десяти от тебя и потому будет слышать себя, а о том, что происходит, не догадается.

— А как же публика? — спросил Меррил.

— Они будут слушать мою симфонию, наслаждаясь, надеюсь, ее нейрофонической красотой и мощью, и не обратят внимания на толстуху-примадонну, кривляющуюся в кокаиновом дурмане. Может быть, сочтут ее дирижером. Не забывайте, они придут слушать пение, но кто сейчас помнит, что означает это слово? Большинство сочтут, что это ультразвук.

— А Легран?

— Легран будет на Бермудах. У него там бизнес-конференция.

5

Мадам Джоконда сидела перед зеркалом, раскрашивая лицо в подобие хэллоуиновской маски. Стоявший рядом граммофон крутил, поскрипывая, пластинку с избранным из «Травиаты». На сцене по-прежнему властвовал хаос, но теперь в нем присутствовало ощущение некоей целенаправленности.

Пробравшись между декорациями, Мангон неслышно подошел сзади и поцеловал ее в обнаженное плечо. Она поднялась изящным, роскошным движением женщины в великолепном черном шелковом платье, сияющем тысячами блесток.

— Спасибо, Мангон, — пропела мадам Джоконда в ответ на его комплимент и, повернувшись к шляпной коробке на кровати, достала громадную шляпу с павлиньим пером и водрузила ее на голову.

Мангон пришел около шести, на несколько часов раньше обычного; в последние два дня его не оставляло нарастающее беспокойство. Он был уверен, что Альто ошибается, однако же логика была на его стороне. Сумела ли мадам Джоконда сохранить голос? Тот, которым она говорила — за

исключением мгновений нежности, — был груб и неровен, а в последнее время особенно. Может быть, теперь, когда до выступления оставалась всего неделя, она тоже нервничала и потому становилась раздражительной.

Сейчас, как и почти все последние вечера, мадам Джоконда собиралась на встречу. С кем, она не объясняла. Возможно, в театральный ресторан — возобновить контакты с агентами и менеджерами. Мангон с удовольствием пошел бы с ней, но в этой плоскости ее существования он чувствовал себя лишним.

— Я вернусь поздно, — предупредила она. — Ты выглядишь усталым и бледным. Иди домой, поспи.

Мангон лишь теперь заметил, что так и не снял фуражку, как будто подсознательно чувствовал, что ночь проведет не здесь.

— Мы поедем завтра на свалку?

— Хммм… Нет, не думаю. У меня от этих поездок голова болит. Давай сделаем перерыв на пару дней.

Она повернулась к нему с широкой улыбкой, и глаза ее внезапно потеплели.

— До свидания, была рада тебя повидать. — Мадам Джоконда наклонилась и по-матерински

прижалась щекой к его щеке, обдав Мангона запахом пудры и духов. Все сомнения и тревоги моментально растворились; он уже ждал с нетерпением следующего дня, когда снова увидит ее, и не сомневался, что у них общее будущее.

После ее ухода Мангон еще с полчаса бродил по заброшенной студии, предаваясь воспоминаниям. Потом вышел в переулок, сел в машину и отправился на свалку.

День премьеры приближался, и Мангон не находил себе места от волнения. Он уже дважды побывал в концертной студии «Видео-Сити», где отрепетировал с Альто свой проход за сценой к суфлерской, крошечной комнатушке, использовавшейся главным образом электриками. Вместе они проверили розетки, позаимствовали в отделе обслуживания соновак — мощный аппарат, применяемый для защиты ВИП-персон и комментаторов в аэропортах, — и протянули шланг со звукоулавливающей насадкой.

Стоя на сооруженной для мадам Джоконды платформе, Альто во весь голос крикнул сидящему в третьем ряду партера Меррилу:

— Слышно что-нибудь?

Меррил покачал головой:

— Ничего, никакой вибрации.

Внизу Мангон щелкнул переключателем.

— Пять! Четыре! Три! Два!

Один…

— Неплохо, — решил Альто. В духе старого Чикаго они спрятали соновак в огромный футляр в офисе Альто.

— Хочешь послушать, как она поет? — спросил Альто. — Сейчас как раз идет репетиция.

Поколебавшись, Мангон отказался.

— Печально, что она сама не может осознать истину, — прокомментировал Альто. — Зациклилась на прошлом пятнадцати-двадцатилетней давности, когда исполняла свои величайшие роли в Ла Скала. Тот голос она слышит и будет, наверно, слышать всегда.

Мангон задумался. Однажды он попытался узнать у мадам Джоконды, как проходят ее репетиции, — она сменила тему и отделалась пышной, но ничего не значащей тирадой. Виделись они все реже и реже, и когда он приходил, она либо собиралась уходить, либо говорила, что устала, и старалась отделаться от него побыстрее. На свалку они больше не ездили. Все это он воспринимал как неизбежность и уверял себя, что после премьеры и триумфа она вернется к нему.

Правда, Мангон поймал себя на том, что начал

заикаться.

В день премьеры, за несколько часов до вечернего представления, Мангон отправился на Ф-стрит — как оказалось, в последний раз. Накануне они не виделись, и он хотел быть рядом и поддержать ее по мере возможности.

Свернув в переулок, чистильщик с удивлением обнаружил напротив входа два больших грузовых фургона. Четыре или пять грузчиков выносили из звукостудии мебель и огромные щиты декораций.

Мангон подбежал к ним. Один фургон был уже заставлен знакомыми вещами — платяным шкафом в стиле рококо, туалетным столиком, диваном, огромной кроватью Дездемоны, положенной вверх ножками и обернутой упаковочной бумагой. Глядя на нее, он почувствовал себя так, словно какую-то часть его самого оторвали и бесцеремонно отбросили грубые, мозолистые руки. В ярком свете дня голые, ободранные щиты лишились всякой иллюзии реальности; казалось, вместе с ними демонтировали и его отношения с мадам Джокондой.

Последний рабочий вышел из студии с золотой подушкой под мышкой и бросил ее во второй фургон. Бригадир закрыл дверцы и махнул во-

дителю.

— К-куда вы едете? — спросил Мангон.

Бригадир смерил его оценивающим взглядом.

— Ты ведь уборщик, да? — Он указал пальцем на студию: — Старушка сказала, там для тебя записка. Сам-то я ее не видел.

* * *

Мангон бросился в вестибюль и взбежал по ступенькам. В Студии-2 грузчики сорвали жалюзи, и пыльное помещение заливал серый свет. Без декораций сцена выглядела голой и бесхозной.

Он промчался по проходу. Почему мадам Джоконда решила уехать, ничего ему не сказав?

На сцене не осталось ничего. На полу валялись опрокинутые пюпитры. Плита лежала на боку, рядом с двумя или тремя старыми кастрюлями. И повсюду бумажки, пепел, пустые пузырьки.

Мангон поискал взглядом записку. Может, она приколола ее к какой-то перегородке?

В следующее мгновение оно зазвучало со стен, жестокое и короткое.

УБИРАЙСЯ, УРОДЕЦ! НИКОГДА БОЛЬШЕ НЕ ПЫТАЙСЯ МЕНЯ УВИДЕТЬ!

Он отпрянул и даже инстинктивно попытался вскрикнуть — стены как будто накренились и

стали падать на него, — но горло застыло.

Мангон вошел в коридор под сценой около двадцати минут девятого. Судя по доносившимся туда звукам, публика уже начала прибывать и рассаживаться по местам. Студия почти заполнилась. Стучали беспорядочно каблучки, в коридоре моргал свет, музыканты на сцене настраивали инструменты.

Стараясь не привлекать внимания своим огромным футляром, Мангон проскользнул мимо техников, устанавливавших нейрофоническую аппаратуру для подключения к оркестру. Все были заняты, проверяли реле и цепи, и он добрался до суфлерской будки и проскользнул в нее незамеченным.

В будке было почти темно, и лишь кое-где лучики света процеживались сквозь розовые и белые лепестки стоящих над козырьком хризантем. Мангон запер на задвижку дверь, открыл футляр, вынул соновак и подсоединил насадку к контейнеру. Потом, подавшись вперед, осторожно раздвинул цветы.

Прямо перед собой Мангон увидел затянутую бархатом платформу с белыми металлическими перилами, перевязанными в центре цветочной лентой. Дальше размещался полукругом оркестр,

каждый из двадцати членов которого сидел за напоминающим ящик столиком с инструментом, звуковым генератором и катодно-лучевой трубкой. Все уже заняли свои места, и свет, отражаясь от экранов, бросал яркое фосфоресцирующее мерцание на серебристую стену за ними.

Мангон установил насадку соновака в проем между цветами, наклонился, воткнул вилку в розетку и включил прибор.

В восемь двадцать пять кто-то прошел через платформу и остановился перед козырьком. Мангон пригнулся и подвинулся назад, настороженно глядя на лакированные кожаные туфли и черные брюки.

— Мангон!

Он подался вперед, увидел Альто и помахал ему. Альто медленно кивнул в ответ, одновременно улыбаясь кому-то из зрителей, повернулся на каблуках и занял свое место в оркестре.

Вспыхнувшие ровно в половине девятого красные и зеленые огоньки известили о начале программы. Публика притихла, ожидая, когда ведущий объявит о начале представления.

Появившийся на сцене конферансье остановился за козырьком и обратился к зрителям. Мангон тихонько сидел на привинченном к

стене деревянном сиденье, уставившись взглядом на контейнер соновака. Публика разразилась аплодисментами, и сквозь листья хлынул ровный зеленый свет. Воздух в будке начал теплеть, прохладный и неподвижный, он закружился в вертикальном водовороте, подгоняемый давлением ритмичной ультразвуковой волны. Тесная каморка словно раздвинулась, странное гипнотическое эхо привлекло его внимание. Каким-то уголком разума Мангон понимал, что симфония уже началась, но собраться и слушать ее сознательно не мог.

Внезапно в просвете между цветами появилось что-то белое. Он соскользнул с сиденья и присмотрелся внимательнее.

Свое место на платформе заняла мадам Джоконда. Снизу, из суфлерской будки, она выглядела огромным водопадом блестящего белого атласа. На пальцах сложенных рук сверкали белые и голубые камни. Ее лицо он увидел только мельком — ужасающая, повернутая в профиль маска ведьмы, ожидающей какого-то сигнала из-за кулис.

Собравшись с силами, Мангон положил руку на кнопку пуска. Он ждал, ощущая в себе музыку симфонии Альто, неслышный накат могучей волны, ускорение темпа. По всей видимости,

аранжировщик мадам Джоконды ожидал кульминационного момента, чтобы ввести ее первую арию.

Внезапно мадам Джоконда повернулась к публике и сделала шаг к перилам. Руки ее раскрылись, голова откинулась, обнаженные плечи поднялись.

Пульсирующий фронт волны остановился на миг и взмыл в продолжительном крещендо. В ту же секунду мадам Джоконда устремила голову вперед; горловые мышцы напряглись и проступили под кожей.

И едва первый звук вырвался из ее груди, палец Мангона застыл на кнопке пуска. Мгновением позже, прежде чем он успел очнуться, сокрушительный порыв звука ворвался в его уши. Следом за ним чуть более высокая нота, словно пронзившая наполовину некий скрытый выступ на своем пути, чуть дрогнула, но тут же окрепла и устремилась дальше, как выкатившийся на рельсы экспресс.

Мангон слушал ее в оцепенении, стиснув руками корпус соновака. Голос взорвался в его мозгу, безжалостно затопил все нервные узлы клеток. Он звучал гротескной, безумной пародией на классическое сопрано. Гармония, чистота,

модуляция — ничего этого не было. Грубый, надтреснутый голос резко, не контролируя дыхательные интервалы, соскакивал с высокой ноты на более низкую; внезапные обрывы хриплого молчания, рвавшие вулканический поток, делили его на произвольно связанные секвенции бравурных пассажей.

Мангон с трудом узнал, что именно она исполняет: арию Тореадора из «Кармен». Почему мадам Джоконда выбрала именно ее, он не понимал. Будучи не в силах вытянуть высокие ноты, она сбилась на свинговый ритм рефрена, отбивая повторяющиеся фразы кивками головы. После десятка тактов темп замедлился, она сползла на импровизированное бормотание, завершив его финальным кульминационным штурмом.

Оцепенев от ужаса, Мангон увидел, как два или три музыканта поднялись со своих мест и ушли со сцены. Остальные перестали играть и, отложив инструменты, негромко переговаривались между собой. Публика явно забеспокоилась, и в паузах, когда мадам Джоконда заправляла легкие, Мангон слышал разрозненные голоса.

За спиной у него кто-то постучал в дверь. Мангон вздрогнул и едва не споткнулся о соновак. Потом наклонился, вырвал вилку из розетки,

отщелкнул зажимы под колесиками аппарата и снял контейнер, обнажив клапаны, усилитель и генератор. Осторожно подсунув пальцы под провода и катушки, он захватил их по возможности крепче и резко потянул. Потом, срывая ногти, оторвал печатную схему и с силой сжал пальцами.

Добившись своего, Мангон бросил соновак на пол, постоял, слушая напоминающий кошачий концерт визг, уже тонущий в протестующем гуле публики, и открыл дверь.

Ворвавшийся в будку Пол Меррил — его бабочка успела съехать вбок — тупо уставился на Мангона, на его пальцы, с которых капала кровь, и на разбитый соновак на полу.

Потом, схватив уборщика за плечи, он с силой тряхнул его.

— Рехнулся? Ты что делаешь?

Мангон попытался ответить, но голос не подчинялся. Оттолкнув Меррила, он вырвался в коридор.

— Постой, помоги мне починить эту штуку! — крикнул ему вслед Меррил. — Куда ты идешь? — Упав на колени перед сонованком, он попытался что-то сделать.

Из-за кулис Мангон бросил взгляд на сцену.

Мадам Джоконда все еще пела, но ее голос то-

нул в шуме зала. Половина аудитории поднялась, люди кричали что-то, явно требуя объяснений. Большинство музыкантов ушли, а те немногие, что остались, сидели за столиками и в полной растерянности смотрели на мадам Джоконду.

Директор программы, Альто и конферансье стояли перед ней и, пытаясь привлечь внимание дивы, стучали по перилам. Но мадам Джоконда никого не замечала. Закинув голову, устремив взгляд на сияющие люстры и величественно жестикулируя, она мечтательно парила, следуя за звуком, что неумолимо изливался из ее горла, величественный белый ангел диссонанса, возвращающийся в родной дом.

Секунду-другую Мангон печально смотрел на нее, потом проскользнул мимо столпившихся рабочих сцены. Выйдя из театра через служебную дверь, он увидел собравшуюся у главного входа небольшую толпу. Он вытер кровь с пальцев и перевязал их носовым платком.

Пройдя по боковой улочке к припаркованному неподалеку грузовичку, Мангон забрался в кабину и еще несколько минут сидел, глядя на яркие вечерние огни в барах и витринах. Потом открыл бардачок, порылся в нем и, достав старый блокнот, прицепил его к запястью.

Звуки пения звучали в ушах эхом воплей обезумевшей банши.

Он включил на полную соновак под приборной доской, повернул ключ зажигания и покатил в ночь.

1959

The Sound-Sweep. Первая публикация в журнале *Science Fantasy*, февраль 1960.

Перевод С. Самуйлова